

Шел один человек на виселицу; другой повстречал его и спрашивает: «Что случилось, сеньор, почему идете вы таким путем?» А приговоренный в ответ: «Я не иду, эти люди ведут меня».

Падре Мануэл Вельо

Je sais que je tombe dans l'inexplicable, quand j'affirme que la réalité — cette notion si flottante, — la connaissance a plus exacte possible des êtres est notre point de contact, et notre voie d'accès aux choses qui dépassent la réalité.

Marguerite Yourcenar

Дон Жуан, пятый носитель этого имени в списке португальских королей, отправится нынче ночью в опочивальню жены своей, доны Марии-Аны-Жозефы, каковая более двух лет назад прибыла из Австрии, дабы подарить инфантов португальской короне, и все еще не забеременела. Уже идут разговоры и во дворце, и за его пределами, что, может статься, чрево королевы неплодно, недоброе предположение, не предназначенное для ушей и языков доносчиков, им делятся только с близкими людьми. О том, что виноват король, и думать нечего, во-первых, потому что бесплодие недуг, поражающий не мужей, но жен, по сей причине и отвергают их так часто, а во-вторых, есть тому и доказательство вещественное, буде таковое понадобится, ибо в королевстве немало незаконных отпрысков королевского семени, что правда, то правда. Вдобавок не король, а именно королева без устали молит небо ниспослать ей дитя, и причин тому также две. Первая причина та, что ни один король, а тем более португальский, не просит того, что дать властен только он, и никто другой, а вторая причина та, что поскольку женщина есть по природе своей сосуд приемлющий, то ей самой природой определено быть просительницей и молить Бога как во время девятидневных стояний, так и от случая к случаю. Но нет прока от упорства короля, каковой дважды в неделю не

жаляя сил исполняет свой монарший и супружеский долг, отступаясь лишь в случае религиозного запрета либо физического недомогания, нет прока от терпеливости и смирения королевы, каковая не только молится, но и принуждает себя к полной неподвижности после того, как супруг покинет тело ее и ложе, дабы должным манером соединились общие их соки, у королевы скудные по недостатку охоты и потому что пора не подоспела, и еще из-за христианнейшей нравственной ее сдержанности, а у монарха обильные, как и положено мужчине, которому еще двадцати двух не сравнялось, и однако ж ни молитвы, ни старания супруга покуда не помогли доне Марии-Ане понести. Но Господь велик.

И почти по мерке Господней велик римский собор Святого Петра, что возводится королем. Возводится это сооружение без котлована либо фундамента, прямо на столешнице, которая могла бы и не быть столь мощной, дабы выдержать сей груз, груз собора в миниатюре, покуда еще разъятого на составные части, вставляющиеся одна в другую по древней системе «встык» и почтительно подносимые королю четыремя дежурными царедворцами. Ларец, из коего их достают, благоухает ладаном, и пунцовый бархат, в который они обернуты по отдельности, дабы лик какого-нибудь изваяния не поцарапался о ребро какого-нибудь пилястра, поблескивает при свете громаднейших восковых свечей. Работа близка к завершению. Все стены уже прочно вставлены в пазы, колонны подпирают карниз, по которому бегут латинские буквы, возвещающие имя и сан Павла V из рода Боргезе и давно уже не останавливающие на себе внимания короля, хотя очам его приятно созерцать порядковое число, сопутствующее имени Папы, ибо оно такое же, как и у самого короля. Для монарха скромность была бы недостатком. Он втыкает в специальные отверстия на верхней части карниза фигурки святых

и пророков, и придворный кланяется всякий раз, когда, развернув драгоценный бархат, подает ему на ладони статуэтку пророка, лежащего кверху задом, святого, лежащего вперед ногами, но никто не обращает внимания на невольную сию непочтительность, тем паче что король сразу же восстанавливает порядок и торжественность, подобающие при священнодействии, расставляя по местам изваянных стражей. Но видят они с высоты не площадь Святого Петра, а короля португальского и прислуживающих ему придворных. Видят пол балкона, служащего королю молельней, видят занавеси, которыми задернут вход в королевскую часовню, а на завтра, в час заутрени, если не вернутся они, закутанные в бархат, в ларец, увидят короля, набожно повторяющего слова святой литургии в окружении свиты, в состав которой уже не войдут дворяне, прислуживающие ему сейчас, ибо неделя кончается и новые заступят на дежурство. Под балконом этим есть еще один, он тоже выходит в каплицу либо молельню за занавесями, но там ничего не сооружают, там уединяется королева во время богослужения, однако даже святость места не помогает ей забеременеть. Осталось только поместить купол Микеланджело, сей претворенный в материю экстаз, в данном случае поддельный и хранящийся из-за чрезмерной своей громоздкости в особом ларце, и поскольку возведение собора на этом заканчивается, действие сие производится с особой помпезностью, и все споспешествуют королю, и с превеликим грохотом выступы входят в соответствующие пазы, и дело завершено. Если мощный стук, прогремевший на всю часовню, донесся, миновав залы и длинные переходы, до покоя или опочивальни, где ждет королева, пусть узнает она, что супруг ее направляется к ней.

Пусть подождет. Покамест король еще готовится к ночи. Камердинеры раздели его, облачили в костюм,

подобающий для ложа и отвечающий духу времени, предметы одежды при этом передавались из рук в руки с той же почтительностью, с коей отроковицы вверяли бы друг дружке реликвии святых угодниц, и все это свершается в присутствии прочих слуг и пажей, этот выдвигает ящик, тот отдергивает занавеску, один поднимает свечу повыше, другой прикрывает огонек ладонью, двое стоят не шевелясь, еще двое следуют их примеру, но что делать множеству других, неизвестно, и неизвестно, зачем вообще они здесь находятся. Наконец общими усилиями король облачен, один дворянин расправляет последнюю складочку, другой расшитое жабо, и мига не пройдет, как дон Жуан V отправится в покои королевы. Кувшин ожидает, когда к нему пожалует источник.

Но вот входит дон Нуно да Кунья, епископ-инквизитор, а с ним старик-францисканец. Между моментом их прихода и моментом, когда будет изложена цель визита, сложные поклоны и приветствия, оба замирают, пятятся, соблюдая ритуал, в подробности коего мы входить не будем, поскольку епископ торопится, а монах объят священным трепетом. Дон Жуан V и инквизитор отходят в сторону, и говорит инквизитор, Этот монах, брат Антонио ди Сан-Жозе, поведал я ему о печали вашего величества из-за того, что нет детей у госпожи нашей королевы, и просил я его молить Господа о ниспослании наследников вашему величеству, и отвечал он мне, что будут у вашего величества дети, коли вы, государь, того пожелаете, и тогда спросил я его, что хочет сказать он такими темными словами, ибо всем ведомо, что желает ваше величество иметь детей, и отвечал он мне на то ясно и понятно, коли ваше величество даст обет возвести монастырь в селении Мафра, пошлет вам Бог наследников, и, сообщив это, умолк дон Нуно и кивком подозвал францисканца.

Спросил его король, Правда ли то, что узнал я сейчас от его преосвященства, стало быть, если дам я обет возвести монастырь в Мафре, будут у меня дети, и монах ответил, Правда это, государь, но в том лишь случае, если будет монастырь францисканским, и снова спросил король, Откуда вы знаете, и брат Антонио отвечал, Знаю, а откуда, и сам не ведаю, я лишь уста, коими глаголет истина, коли веруешь, больше и ответить нечего, постройте, ваше величество, монастырь, тогда будут дети, а не будете строить, все в воле Господа. Мановением руки отпустил его король, а затем осведомился у дона Нуно да Куньи, Добродетелен ли этот монах, а епископ ответил, Добродетельней никого у них в ордене не сыщешь. Тогда дон Жуан, пятый носитель сего имени, удостоверившись, что не зря возьмет на себя обязательство, возвысил голос, дабы ясно слышали все присутствовавшие и наутро стало бы известно обо всем в столице и в королевстве, Даю обет, и вот мое королевское слово, что построю своим радением францисканский монастырь в селении Мафра, если в течение года, считая с нынешнего дня, королева родит мне ребенка, и все сказали, Да услышит Господь слова вашего величества, и никто не мог взять в толк, кто же или что в сем случае подвергнется испытанию, то ли сам Господь Бог, то ли добродетель брата Антонио, то ли мужская сила короля, то ли покуда не проявившаяся способность королевы к деторождению.

Дона Мария-Ана беседует со своей главной камеристкой, португалкой маркизой ди Уньян. Они уже обсудили благочестивые дела за нынешний день, поговорили о посещении монастыря Непорочного зачатия, что в Кардайсе, принадлежащего ордену Босоногих Кармелиток, и о девятидневных стояниях в честь святого Франциска Ксаверия, которые начнутся завтра в церк-

ви Святого Роха, разговор, достойный королевы и маркизы, душеспасительный и в то же время слезливый, когда произносят они имена святых, сокрушенный, когда заходит речь о мученичестве либо об особых покаяниях, кои налагают на себя монахи и монахини, пусть это всего лишь тяготы поста или тайные муки, причиняемые власяницею. Но король уже повелел доложить о себе, он идет к супруге, и дух его распален, взбудоражен мистическим сопряжением плотского долга и обета, что дал он Богу через посредничество и по представительству брата Антонио ди Сан-Жозе. Вместе с королем вошли два камердинера, они освободили его от лишних одежд, маркиза таким же манером помогла королеве, как женщина женщине, ей пособила еще одна дама, графиня, да вторая главная камеристка, не менее именитая, прибывшая из Австрии, в опочивальне сущая ассамблея, их величества приветствуют друг друга, церемониям нет конца, но вот камердинеры удалились в одни двери, дамы в другие, камердинеры будут ожидать в передней, дабы проводить короля в его покои, принадлежавшие во времена короля-отца королеве-матери, и тут пускай себе приходят дамы, дабы получше укрыть дону Марию-Ану пуховиком, который она тоже привезла из Австрии и без которого не может спать ни зимою, ни летом. Из-за этого самого пуховика, удушливо-жаркого даже в холодную февральскую пору, дон Жуан V и не проводит всю ночь возле королевы, хотя вначале проводил, покуда новизна превозмогала ощущение неудобства, и неудобства немалого, ибо король был весь в поту, своим и королевиним, а королева, укутавшись с головой, прела в смеси запахов и испарений. Дона Мария-Ана приехала не из жаркой страны, она не переносит здешнего климата. Она с головой накрывается широченным и пышнейшим пуховиком и замирает, свернувшись клубочком, точно крот, наткнувшийся на камень

и раздумывающий, в какую сторону повести дальше подземную галерею.

Король и королева облачены в длинные сорочки, волочащиеся по полу, сорочка короля касается пола вышитой каймой, сорочка королевы стелется по полу на добрую пядь, дабы не было видно кончиков ног, большого пальца или прочих, из всех известных проявлений бесстыдства это самое рискованное. Дон Жуан V ведет дону Марию-Ану к кровати, держа ее за руку, словно кавалер даму во время танца, и, прежде чем по ступенькам взобраться на ложе, оба, каждый со своей стороны, преклоняют колени и читают молитвы, необходимая мера предосторожности, дабы не умереть без покаяния во время плотского совокупления, а также дабы эта новая попытка увенчалась успехом, и в этом смысле у дона Жуана V есть двойная причина надеяться, он уповает на Бога и на собственную силу, а потому с удвоенной верой молит Господа о наследнике. Что же касается донны Марии-Аны, надо полагать, она просит тех же милостей, если только нет у нее особых причин не желать таковых, но это уже тайна исповеди.

Вот они возлегли. На кровать, доставленную из Голландии, когда королева прибыла из Австрии, кровать заказал сам король, она обошлась ему в семьдесят пять тысяч крузадо, ибо в Португалии нет столь изощренных искусников, а если б и нашлись, им бы, само собой, столько не заплатили. Неискушенному оку и не распознать, точно ли из дерева сие великолепное сооружение, обтянутое роскошным штофным шелком, затканым и расшитым золотыми цветами и замысловатыми узорами, а о балдахинной ткани и говорить нечего, хоть на облачение для самого Папы. Когда кровать поместили в опочивальне, клопы в ней еще не завелись, она ведь была новешенькая, но потом появились, оттого что ею стали пользоваться, от телесного тепла, пробрались из

других дворцовых покоев либо из города, поди знай, откуда берутся эти твари, а поскольку кровать сработана из таких дорогих материалов и так изукрашена, нельзя было опалить ее с помощью горячей тряпки, дабы выжечь нечисть, и осталось одно только средство, да и то бесполезное, платить святому Алексию пятьдесят реалов в год, может, избавит королеву и всех нас от бича сего и от расчесов. В те ночи, когда приходит король, клопы начинают истязать королеву попозже, потому что, пока он здесь, тюфяки колышутся, а эти насекомые любят покой и спящих людей. А на ложе короля другие клопы дожидаются причитающейся им порции крови, которая, по их суждению, не лучше и не хуже, чем кровь других жителей, будь она голубая или естественного цвета.

Дона Мария-Ана протягивает королю потную и холодную ручку, которая, даже согревшись под пуховиком, тотчас же остывает в ледяном воздухе опочивальни, и король, который уже исполнил свой долг и вполне полагается на свою веру и на плодотворность трудов своих, целует ей ручку — как королеве и будущей матери, если только брат Антонио ди Сан-Жозе не заврался. Дона Мария-Ана дергает шнурок сонетки, с одной стороны входят камердинеры, с другой стороны дамы, в тяжелом воздухе застоялись разные запахи, один из них вошедшим легко опознать, без этого запаха невозможно такие чудеса, как то, которое ожидается сегодня, ибо другое чудо, чудо бестелесного оплодотворения, свершилось единожды и больше не повторимо, и свершилось затем лишь, чтобы все знали, Господь, коли захочет, может обойтись без мужчин, но без женщин никак нельзя.

Хотя духовник королевы постоянно твердит, что совесть ее может быть покойна, дона Мария-Ана терзается в таких случаях великими душевными муками. Ко-

гда король и камердинеры уже удалились и легли спать дамы, прислуживающие ей и охраняющие ее сон, королева всегда думает, что ей бы следовало встать, дабы прочесть последние молитвы, но, поскольку, по словам врачей, она должна хранить неподвижность, точно сидящая на яйцах наседка, она довольствуется тем, что без конца их бормочет, перебирая четки все медленнее и медленнее, покуда наконец не засыпает посередине Богородице, Дево, радуйся, Благодатная, ей-то легко было, благословен плод чрева твоего, и она думает о плоде собственного чрева, таком долгожданном, только бы был ребенок, Господи, только бы был ребенок. Она никогда не признавалась на исповеди в этой невольной гордыне, такой отвлеченной и такой невольной, королева могла бы со всем чистосердечием дать присягу, что она всегда взывала только к Богоматери и к Ее чреву. Все это извивы королевского подсознания, к ним относятся также и сны, которые всегда снятся доне Марии-Ане после того, как король посетит ее опочивальню, попробуй-ка объясни эти сны, ей снится, что идет она по Террейро-до-Пасо в ту сторону, где бойни, приподняв спереди юбку и скользя по жидкой и липкой грязи, пахнущей каким-то мужским запахом, а в это время инфант дон Франсиско, ее деверь, обитавший прежде в ее нынешних покоях, пляшет вокруг, взгромоздившись на ходули, словно черный аист. Об этом сне она тоже никогда не рассказывала на исповеди, да и что духовник мог бы сказать в ответ, в книге, что учит, как нужно исповедовать, об этом ничего не говорится. Пусть спит себе спокойно донна Мария-Ана, невидимая под пуховой горой, а клопы тем временем выползают из щелей, из складок, а то бросаются вниз с высокой спинки, для скорости.

Дону Жуану V в эту ночь также приснится сон. Придется ему, что из его плоти возросло древо Иессево,

ветвистое и все заселенное предками Христа, и сам Христос тут же, наследник всех царств, а затем рассыпалось древо, и на месте его воздвигся во всей мощи, с высокими колоннами, и колокольнями, и куполами, и башнями, монастырь францисканский, как это видно по облачению брата Антонио ди Сан-Жозе, который распаивает настежь церковные врата. Темперамент такого склада не слишком распространен среди королей, но Португалии на королей всегда везло.

И на чудеса тоже везло. Еще не время говорить о том, которое лишь назревает, впрочем, не такое уж это и чудо, просто подарок свыше, милосердный и благосклонный взгляд, устремленный долу, на бесплодное чрево, подарок, состоящий в рождении инфанта в положенный срок, нет, пора повести речь об истинных и засвидетельствованных чудесах, каковые предвещают благо королевскому обету, ибо были явлены не где-нибудь, а в неопалимой купине францисканской.

Вот, к примеру, знаменитая история смерти брата Мигела да Анунсьяса, каковой был избран отцом-провинциалом от третьего ордена Святого Франциска и избрание какового, скажем попутно, но вполне к месту, сопровождалось ожесточенной войной, а начали оную клирики приходской церкви Святой Марии Магдалины и повели ее против самого отца Мигела и избрания его на пост отца-провинциала, все из какой-то непонятной зависти, но воевали они так яростно, что тяжбы преследовали брата Мигела до самой смерти, и неизвестно, когда суд рассудил бы их и когда бы они прекратились, ведь только вынесут приговор, как, глядишь, и обжалован, только суд состоялся, как, глядишь, апелляция, если бы дела не прекратила сама смерть, как оно и случилось. Разумеется, умер брат Мигел не от разбитого сердца, а от злокачественной лихорадки, то ли брюшной тиф, то ли сыпной, то ли еще какая-нибудь безымянная

горячка, обычное завершение жизни в городе, где так мало источников питьевой воды и водоносы-галисийцы без зазрения совести наполняют бочонки на конских водопоях, вот оттого провинциалов и косит незаслуженная смерть. Однако же брат Мигел да Анунсьясан был нрава столь сострадательного, что даже после смерти отплатил добром за зло, и если при жизни вершил благие дела, то покойником творил чудеса, и первое из них состояло в том, что он опроверг суждение врачей, опасавшихся, что тело начнет быстро разлагаться, а потому настаивавших на сокращенном обряде похорон, но телесные останки отнюдь не разложились, напротив того, на протяжении трех дней они наполняли нежнейшим благоуханием церковь Пречистой Матери Иисусовой, где стоял гроб, сам же труп не окоченел, но, наоборот, все члены сохраняли мягкость, словно у живого.

Последовавшие затем удивительные явления, не менее важные, оказались чудесами в полном смысле слова, столь явными и знаменательными, что со всего города сбежался люд поглядеть на диво и попользоваться оным, ибо засвидетельствовано, что в означенной церкви слепым возвращалось зрение, а увечным — ноги, и таково было стечение народу, что ко входу пробивались, пуская в ход кулаки, а то и ножи, вследствие чего иные расстались с жизнью, каковая не вернулась к ним и чудом. А может, и вернулась бы, да только, поскольку смута была великая, по истечении трех дней тело тайком вынесли из церкви и тайком предали земле. Лишившись надежды на исцеление, покуда не явится еще один блаженный, на том же самом месте немые и безрукие, отчаявшиеся, обманутые в вере своей, учинили потасовку, тут и рук хватило, и голоса зазвучали, чтобы орать и поносить всех святых, сколько их есть, пока наконец не вышли отцы и не благословили сборище, и на том за неимением лучшего все разбрелись.

Но наш край, сознаемся в том, откинув стыд, есть земля воров, как говорится, все, что видит глаз, хватай тотчас, и как ни сильна вера, хоть и не всегда вознаграждаемая, но куда сильнее бесстыдство и нечестивость тех, кто грабит церкви, как то случилось в прошлом году в Гимараэнсе, опять же в церкви Святого Франциска, каковой, презрев при жизни все великие блага, соглашается, чтобы и в вечности всё у него забирали, не то что святой Антоний с его рачительностью и неусыпностью, этот не очень-то потерпит, чтоб обчищали его алтари и часовни, будь то хоть в Гимараэнсе, о котором уже шла речь, хоть в Лиссабоне, о котором речь пойдет ниже.

Стало быть, отправились в Гимараэнсе воры на дело и для того забрались в окно, тут святой Антоний и выйди им живехонько навстречу, чем нагнал на них такого страху, что один вор свалился кулем с самого верху лестницы, правда, кости целы остались, но паралич разбил его на месте, шевельнуться он не мог, и когда приятели захотели унести его оттуда, потому как и среди воровской братии попадаются люди добросердечные и в дружбе верные, они ничего не смогли поделывать, случай, впрочем, не первый, ибо то же самое произошло с Инес, сестрою святой Клары, в те времена, когда святой Франциск еще разгуливал по сей земле, пятьсот лет тому, в году тысяча двести одиннадцатом, но тогда дело было не в краже, вернее, в краже, но украсть-то хотели саму угодницу у Господа. А нынешний вор так и остался лежать, словно распластала его по полу длань Божия либо лапа дьявольская придерживала из преисподней, и пролежал он до утра, когда обнаружили его священнослужители той церкви и отнесли, причем без труда, ибо теперь весил он свой природный вес, на алтарь святого, дабы сей исцелил параличного, и чудо свершилось на весьма мудреный лад, ибо на глазах у всех деревянная статуя святого Антония покрылась обильным потом, и

выделялся пот столько времени, что успели явиться судебские чиновники и нотариусы, по всем правилам засвидетельствовавшие чудо, состоявшее в том, что дерево выделяло пот, а вор исцелился, когда провели ему по лицу полотенцем, смоченным благословенною влагой. И таким образом остался тот человек жив-здоров да к тому же раскаялся.

Однако же не во всех преступных делах удается добраться до истины. В Лиссабоне, например, чудо было не менее явное, а донныне неизвестно, кто же участвовал в грабеже, хотя кое-какие подозрения дозволены, да, к счастью, грех с подозреваемых снят, потому как в конечном счете двигали ими благие намерения. Случилось так, что в монастырь Святого Франциска, что в Шабрегасе, проникли жулики, либо один жулик проник через слуховое окно часовни, смежной с часовнею Святого Антония, и добрались они, либо он один, до главного алтаря, и три лампы, что там висели, исчезли тем же путем в одно мгновение ока. Снять лампы с крюков, протащить их для пущей предосторожности в полной темноте с риском споткнуться и упасть, а может, даже упасть и наделать шуму, каковой никого бы не всполошил, тут можно либо заподозрить чудо, либо соучастие какого-нибудь сбившегося с пути святого, когда б не то обстоятельство, что церковный колокол и трещотка по обычаю загремели во всю мочь, поднимая братию на первую заутреню. Потому-то вор и сумел убраться подобру-поздорову, а подними он еще больше шуму, никто бы все равно не услышал, из чего явствует, что грабитель хорошо знал обычаи монастыря.

Входят братья в церковь, а там темень. Брат, отвечавший за лампы, уже смирился с тем, что понесет наказание за оплошность, которую он и объяснить-то не смог бы, когда вдруг удостоверился, на ощупь и по запаху, что не хватает не масла оливкового, оно на пол

пролито, а самих лампад, лампы же были серебряные. Святотатство свершилось недавно, ибо цепи, к коим подвешены были украденные лампы, еще покачивались тихонько, приговаривая на металлическом своем языке, Было дело, было дело.

Вышли тут несколько монахов на близлежащие дороги, разбились на отряды, и, схвати они вора, неизвестно, что с ним содеяли бы в своем милосердии, но не обнаружили и следа его либо шайки, если шайка орудовала, но тут дивиться нечему, ибо уже перевалило за полночь и луна пошла на убыль. Запыхались братья, набегавшись по окрестностям рысцою, и вернулись наконец в монастырь с пустыми руками. Меж тем другие монахи, решив, что вор по изощренной своей хитрости спрятался в церкви, обрыскали ее сверху донизу, от хоров до ризницы, и вот, когда шныряли они там в переполохе, оттаптывая друг другу сандалии и полы сутан, поднимая крышки сундуков, роясь в поставцах, вытряхивая ризы, один из братьев, старец, известный добродетельной жизнью и твердостью веры, заметил, что руки жулика не коснулись алтаря Святого Антония, хоть на нем и много было серебра, массивного, искусной выделки и высокой пробы. Подивился тому благочестивый муж, да и мы бы подивились, окажись мы там, ибо ясно было, что вор проник через то самое слуховое окно и направился к главному алтарю, чтобы похитить лампы, а раз так, он должен был проследовать мимо часовни Святого Антония, находившейся как раз посередине. Тогда брат, пылавший рвением, повернулся к Святому Антонию и стал корить его, словно раба, пренебрегшего своими обязанностями, да ведь и было за что корить-то, Что же вы, святой угодник, только о своем серебре печетесь, а остальное позволяете унести, так вот в отместку за это никакого у вас серебра не останется, и, произнеся поносные сии слова, пошел он к часовне и давай ее очищать,

не только серебро унес, но даже покровы забрал и украшения, да не только из часовни, у самого святого, расстался тот с нимбом, что был съемный, и с крестом, даже с младенцем Иисусом, что на руках у него сидел, расстался бы, но тут другие братья набежали и вступились, это уж слишком было бы, младенца-то надо оставить в утешение наказанному бедняге. Поразмыслил немного монах над этими словами и заключил, Пускай младенец останется за него поручителем, покуда святой не возвратит лампы. И поскольку шел уже третий час пополудни, вон сколько времени ушло на поиски, а потом на карательную меру, о коей мы поведали, сбились братья стадом и отправились на боковую, хоть некоторые и опасались, что святой Антоний поквитается за оскорбление.

На другой день, часов этак в одиннадцать, постучался в монастырскую привратницкую один студент, а надобно сказать, он давно уже домогался чести надеть рясу францисканца и с большим усердием навещивался в монастырь, и сведение это сообщается, во-первых, потому что оно истинное, а истина всегда на что-нибудь да сгодится, а во-вторых, в помощь тому, кто засядет за решение головоломного сего дела, да и всякой иной головоломки, какая подвернется, так вот, постучался студент в привратницкую и сказал, что надобно ему поговорить с настоятелем. Проводили его к настоятелю, поцеловал студент ему руку, а может, опояску, а может, край сутаны, точно неизвестно, и объявил, что, как узнал он из городских слухов, лампы обретаются в монастыре котувийском, принадлежащем братии из Общества Иисусова, за Байрро-Алто-ди-Сан-Роке. Усомнился настоятель прежде всего потому, что вестник явно не внушал почтения, всего-навсего студент, мошенником его, правда, не назовешь, уж очень рвался он в монахи, хотя нередко одно другому не мешает, но слишком неправдоподобно показалось настоятелю получить в Ко-

товии то, что было украдено в Шабрегасе, места эти в разных концах города и на большом расстоянии одно от другого, да и между обоими орденами мало общего, расстояние, если считать по прямой, почти целую милю составит, одни монахи в черном ходят, другие в коричневом, да не в этом только дело, как говорится, вкус плода по виду не узнаешь, отведать надо. Однако же благоразумие требовало проверки донесения, и вот один надежный монах вместе с упомянутым студентом отправились из Шабрегаса в Котовию пешим ходом, вошли в город через ворота Святого Креста, и если для полной точности важно знать, как дальше следовали до цели, скажем, что миновали они церковь Святой Стефании, затем прошли мимо церкви Святого Михаила, а оставив позади церковь Святого Петра, вошли в ворота, носящие его имя, а затем спустились к реке проходом Графа де Линьяреса, потом, взяв направо, через Морские ворота двинулись к Пелоуриньо-Велью, от всех этих мест и названий ныне только воспоминания и остались, обошли стороной Новую Купеческую улицу, потому что монах был человек степенный, а в тех местах и по сей день ростовщичеством занимаются, миновав Россию, вышли к переходу Сан-Роке и оказались близ монастыря котовийского, куда, постучавшись, вошли, и, когда привели их к настоятелю, молвил монах, Этот студент, что пришел сюда со мною из Шабрегаса, говорит, что здесь у вас наши лампы, вчера в ночь украденные, Так и есть, по всем признакам, вчера часа этак в два постучали с большим грохотом в привратницкую, и когда спросил привратник, что надобно, ответил голос, чтоб он открыл мешкая, ибо принесено то, что должно быть возвращено владельцам, и когда сообщил мне привратник про необычный сей случай, приказал я открыть дверь, и увидели мы эти самые лампы, малость только помятые и кой-где обломавшиеся, вот они, если чего не хватает, нам их такими и принесли, А видели вы того, кто посту-

чал, Видеть никого не видели, братья даже на дорогу выходили, но никого не нашли.

Лампады вернулись в Шабрегас, а теперь каждый из нас волен думать, что ему вздумается. Может, сам студент, жулик и проходимец, замыслил стратагему эту, чтобы проникнуть в монастырь и облачиться в рясу францисканца, в которую он в конечном счете и облачился, и с этой целью он украл лампы и передал их отцам-иезуитам, уповая на то, что за благость намерения будет ему прощена в Судный день мерзость греха. Может, святой Антоний, совершивший доньше столько разнообразных чудес, содеял и это чудо, когда отнято у него было серебро братом, который, распалась священным гневом, отлично знал, на кого ополчился, как знают лодочники и моряки с Тежо, которые в тех случаях, когда святой не выполняет их желаний и не вознаграждает за обеты, карают его, погружая головой в речные воды. Дело тут, скорей всего, не в неудобном положении, ибо святой, заслуживающий этого названия, в равной степени может дышать воздухом с помощью легких, как все мы, или с помощью жабр в воде, каковая для рыб все равно что рай небесный; но угоднику стыдно, оттого что выставлены напоказ смиренные подошвы ног его, либо он падает духом, оттого что остался без серебра да в придачу чуть было не остался без младенца Иисуса, и по этим причинам святой Антоний оказывается величайшим чудотворцем из всех святых, наипаче когда надобно сыскать утерянное. Как бы там ни было, да снимется со студента это подозрение, коль скоро не навлечет он на себя другое, столь же малопочетное.

При таких прецедентах, поелику францисканцы полагают средствами, позволяющими изменить, перевернуть вверх тормашками или ускорить естественный ход вещей, даже неподатливое королевино чрево должно будет повиноваться неотвратимости чуда. Тем более что монастыря в Мафре орден Святого Франциска до-

могается с тысяча шестьсот двадцать четвертого года, португальским королем был в ту пору один из испанских Филиппов, а потому, надо думать, весьма мало помышлял о здешней братии и за семнадцать лет своего царствования так и не дал согласия. На том, однако, хлопоты не кончились, в дело вмешались со своим вспомоществованием благородные жертвователи из самой Мафры, но, казалось, отделение францисканского ордена из провинции Аррабида, притязавшее на монастырь, порастратило свои силы и поистощило настойчивость, ибо еще вчерашнего дня, так можно сказать о событии, имевшем место всего лишь шесть лет назад, в тысяча семьсот пятом году, Высший Королевский суд ответил отказом на новое прошение, и притом весьма дерзко, хуже того, непочтительно по отношению к материальным и духовным интересам церкви, ибо составители отказа посмели заявить, что основание нового монастыря является, мол, нежелательным, как по той причине, что королевство и без того весьма обременено монастырями нищенствующих орденов, так и по причине многих других неудобств, кои противны людскому благоразумию. Судейским чиновникам виднее, какие такие неудобства противны людскому благоразумию, но теперь придется им проглотить язык и затаить недобрые мысли, ибо брат Антонио ди Сан-Жозе сказал уже, что, коли будет монастырь, будет и престолонаследник. Обет дан, королева родит, францисканский орден, снискавший столько мученических венцов, будет увенчан венцом победы. Сто лет ожидания не такой уж тяжкий испытательный срок для тех, кто рассчитывает жить вечно.

Мы видели, как в итоге было снято со студента подозрение в краже лампад. Теперь нечего рассказывать, что арабидские францисканцы узнали о беременности королевы ранее, чем она сообщила об этом королю, лишь потому, что исповедник нарушил тайну исповеди. Теперь нечего рассказывать, что дона Мария-Ана, буду-

чи весьма набожной сеньорой, согласилась молчать, пока не появится в качестве глашатая избранный орденом добродетельный брат Антонио. Теперь нечего рассказывать, что король будет считать луны, прошедшие с той ночи, когда был дан обет, до того дня, когда родится инфант, и счет сойдется. Теперь нечего рассказывать, ибо все уже было рассказано.

Так что да снимется с францисканцев сие подозрение, коль скоро ни разу не навлекли они на себя других, столь же малочетных.

В обычные дни года всегда найдутся люди, которые умирают оттого, что объедались в течение всей жизни, по этой причине апоплексические удары следуют один за другим, первый, второй, третий, и, бывает, достаточно одного удара, чтобы отправить человека в могилу, а коли выживет, то будет у него парализована одна сторона тела, рот перекосится, останется он без голоса да и без надежды на то, что спасут его какие-то средства, если не считать кровопусканий, каковые прописывают дюжинами. Но много и таких, которые умирают, и притом смертью более легкою, оттого что в течение всей жизни недоедали либо довольствовались жалким рационом, состоящим из риса, да сардин, да еще салата-латука, отчего жители португальской столицы получили кличку «салатники», а мясо пробовали лишь в день рождения его величества. Угодно Господу, чтобы река кишела рыбою, возблагодарим же за то Отца, Сына и Святого Духа! И угодно ему, чтобы латук и прочие овощи доставлялись в переполненных корзинах, навьюченных на осликов, которых приводят в столицу крестьяне из окрестных деревень, прозванные «салою» либо «салою», в зависимости от пола, ведь выполняют эту работу и мужчины, и женщины. И угодно ему, чтобы нехватка риса не была совсем уж нестерпимою. Но у города этого в большей мере, чем у других, рот особого склада, с од-

ного бока жует слишком много, с другого слишком мало, а потому нет промежуточного звена между полнокровным двойным подбородком и исхудалой шеей, между мясистым носом и заострившимся, между пышными ягодицами и плоскими, между набитым пузом и животом, присохшим к позвоночнику. Но Великий пост как солнышко: когда народится, так уж для всех.

Прошумел карнавал по здешним улицам, кто смог, объелся курятиной и бараниной, пончиками и хворостом, натешились по углам любители передернуть в картишках, шутники прицепляли хвосты к поясницам бегущих, брызгали в лицо встречным водою из клистиров, неосмотрительных вздули связками лука, винопийцы допились до икоты и до рвоты, разбивались вдребезги горшки, слышались звуки волынок, и если не слишком много народу валялось кверху брюхом по переулкам, площадям и тупикам, то потому лишь, что город нечист до омерзения, куда ни ступишь, везде экскременты, отбросы, шелудивые псы, бродячие коты, грязные лужи, даже когда нет дождя. Пришло время расплачиваться за излишества, изнувать душу, дабы тело притворилось, что раскаивается, мятежное тело, непокорное тело, заморенное и замаранное тело, обитающее в грязной свинарне, имя которой Лиссабон.

Вот-вот появится процессия кающихся. Мы наказали плоть постом, теперь будем умерщвлять ее самобичеванием. Скудость пищи очищает гуморы телесные, страдание выметает мусор из закоулков души. Кающиеся, сплошь мужчины, идут в голове процессии, вслед за монахами, несущими хоругви с изображением Приснодевы и Распятого. За ними появляется епископ под богатым балдахином, а затем изваянья святых на носилках и несчетное воинство священников, членов религиозных орденов и братств, и все размышляют о спасении души, одни убеждены, что не погубили свою, другие мучаются сомнениями, которые разрешит лишь послед-

ний приговор, а кто-то, может быть, думает втайне, что мир безумен от рождения. Шествует процессия меж толпами народа, и при ее приближении падают на колени мужчины и женщины, одни царапают себе лица, другие рвут на себе волосы, и все хлещут себя по щекам, а епископ осеняет крестным знамением то одну сторону, то другую, в то время как служка помахивает кадиллом. В Лиссабоне пахнет мерзко, пахнет падалью, ладан придает зловонию смысл, больны тела, а душа благоуханна.

Возле окон только женщины, таков обычай. У одних кающихся оковы на ногах, другие несут на плечах толстые железные прутья, за которые закидывают руки, словно распятые, а третьи хлещут себя по спине плетками из шнуров, заканчивающихся восковыми шариками, из которых торчат осколки стекла, и те, кто истязает себя подобным образом, гвоздь праздника, ибо они являют глазам зрителя настоящую кровь, стекающую по хребту, и вопят истошно, как от боли, так и от явного наслаждения, каковое показалось бы нам непонятным, если бы мы не знали, что на некоторых глядят из окон возлюбленные, вот почему участвуют они в процессии не столько ради спасения души, сколько ради услад телесных, обретенных либо обещанных.

На высоких колпаках кающихся, а то и прямо на плетках красуются разноцветные ленточки, у каждого свой цвет, и если избранница, изнывающая у окна от тревоги, от жалости к страждущему любовнику, а то и от удовольствия, которое мы лишь гораздо позже научимся называть садистским, не сможет узнать возлюбленного по лицу или по фигуре в толчее грешников, в мельканье хоругвей, среди снующих повсюду людишек, молящихся или испуганных, в гуле молитвословий, между покачивающихся не в лад балдахинов и внезапно клонящихся долу изваяний, по крайней мере распознает по ленточке, розовой, либо зеленой, либо желтой, лиловой, а то и алой либо лазурной, вот он, ее мужчина, ее по-

клонник, он посвящает ей яростный удар плеткой и, поскольку не может говорить, ревет, как распаленный бык, но если остальным женщинам, глядящим на улицу, да и ей самой показалось, что удару не хватило силы и плетка не врезалась в тело, не оставила знаков, которые можно было бы разглядеть сверху, тогда все они хором гомонят яростно, требуют, чтобы кающийся ударял изо всех сил, хотят слышать свист плети, хотят, чтобы кровь струилась, как струилась кровь Спасителя, и между тем возбуждение их нарастает. Стоит кающийся на улице, внизу, под окном любимой, а она глядит на него сверху, при ней мать, может статья, или кузина, или кормилица, или снисходительная бабушка, или ожесточеннейшая тетушка, но все они прекрасно знают, что происходит, по недавнему опыту либо по отдаленным воспоминаниям, они знают, Бог тут ни при чем, все это сплошной блуд, и, дело возможное, дама и кавалер одновременно испытывают удовольствие, он внизу, стоя на коленях, нанося себе яростные судорожные удары и вскрикивая от боли, она наверху, глядя во все глаза на поверженного самца и разинув рот, словно для того, чтобы высосать из него кровь и все остальное. Процессия простояла достаточно времени для того, чтобы акт завершился, епископ благословил его и освятил, женщина упивается блаженной расслабленностью во всем теле, мужчина прошел вперед, думает с облегчением, что теперь ему незачем хлестать себя с такой силой, пускай это делают другие мужчины в усладу другим женщинам.

При таком умерщвлении плоти истязаниями и постною пищей неудовлетворенные желания телесные, казалось бы, должны присмиреть до пасхального освобождения, а требования природы подождать, покуда просветлеет лик Матери-Церкви, ибо приближаются Страсти и Успение. Но, может статья, фосфор, коим богата рыба, горячит кровь, а может, все дело в том, что по обычаю в

великопостные дни женщинам разрешено ходить в церковь без мужчин, в противоположность остальным дням года, когда сидят они дома взаперти, конечно, речь не о женщинах из простонародья, у тех дверь из дома ведет прямо на улицу, а иные на улице, можно сказать, живут, взаперти сидят дамы из благородных, про этих говорится, что они выходят из дому, только чтобы отправиться в церковь, да и то три раза в жизни, когда должны их крестить, венчать и отпевать, для всего остального есть домашняя часовня, может статься, обычай этот показывает, как тяжело переносить Великий пост, вся великопостная пора предупреждение о неминуемой смерти, уведомление, каковое должно пойти нам на пользу, вот мужчины и полагают, чистосердечно либо притворно, что женщины заняты только лишь делами благочестия, как сами уверяют, а женщина единственный раз в году обретает свободу, и если идет она не одна, дабы не оскорбить приличий, то спутница ее испытывает те же желания и ту же потребность утолить их, а если женщина между двумя церквями встретила с мужчиной, кем бы он ни был, то служанка, к ней приставленная, за соучастие требует в уплату соучастия, и когда обе вновь сходятся у следующего алтаря, знают обе, что никакого Великого поста не существует, а мир блаженно безумен с самого рождения. На улицах Лиссабона полно женщин, все они одеты одинаково, в мантильях, голова прикрыта подолом верхней юбки, только щель оставлена, чтобы подать знак глазами или губами, условный язык, выученный в потасенности запретных чувств и наслаждений, на улицах Лиссабона церковь на каждом углу и в каждом квартале монастырь, и по улицам этим несет ветер весны, от которого кружится голова, а если ветра нет, его заменяют вздохи, они слышатся в исповедальнях и в укромных местах, пригодных для другой исповеди, для исповеди прелюбодейной плоти, балансирующей